

ГАЛИНА РОМАНОВА

В ИНТЕРЕСАХ ЛИЧНОГО ДЕЛА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

В интересах личного дела

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

В интересах личного дела / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2022 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-169442-5

Простой парень Вадим Игнатов собирался жениться на состоятельной бизнес-леди Светлане Роговой. Его подозревали в расчете, но он правда любил Свету! В тот вечер они отправились в гости, но не доехали до места, увидев на дороге разбитую машину. Вадим отправился проверить, жива ли женщина, сидевшая за рулем, но вдруг получил удар по голове... Очнулся он уже в камере. Его задержали по подозрению в том, что это сам он подстроил все это, ведь Светлана пропала. Вадим поклялся, что ему ни к чему избавляться от любимой невесты, но на самом деле он рассказал далеко не всё... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169442-5

© Романова Г. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Владимировна Романова

В интересах личного дела

© Романова Г.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

– Если ты направляешь оружие на человека – стреляй...

В темноте комнаты забытый голос прозвучал настолько отчетливо, что заставил вздрогнуть и раскрыть глаза. Темнота полуночи клубилась плотным облаком.

– Нельзя тратить время на пустые разговоры. Рассказывать, почему именно ты это делаешь, восклицать: «А ты помнишь тот самый случай? Это из-за него, это именно по той причине...» Нельзя! Нельзя так делать. Долгое объяснение причины твоего поступка – проявление слабости и нерешительности. Тот, кто направляет оружие, должен выстрелить безо всяких объяснений. Или...

Последовала пауза, тоже хорошо знакомая.

– Или тебя убьют. Нельзя давать жертве одуматься. Нельзя!

Хриплый голос умолк, и последовал долгий кашель: мучительный, болезненный, с хрипами. Этот кашель и унес близкого человека в могилу. Он многого не успел рассказать. Истории своей жизни, к примеру. Часто ссылаясь на прошлое, но никогда не рассказывал ничего стоящего и конкретного. А хотелось, чтобы в лицах, с именами и фамилиями.

Ничего этого он не рассказал. Только советовал и советовал без конца, поглядывая в дуло пистолета, которым никогда не пользовался, но чистил каждый день, а потом надежно прятал в дымоход камина старого дома.

– Если надумал убить, стреляй! – снова вспомнилось. – Если направляешь оружие в сторону человека – стреляй. Но если это просто способ напугать – глупо...

Старик выслушивал вопросы, которые обычно звучали суетливо и сбивчиво, и снова пускался в пространные объяснения.

– Существует масса способов напугать своего врага, да так, чтобы он всю свою оставшуюся жизнь дрожал и оглядывался. Использовать оружие в таком случае неуместно.

– Почему? – следовал еще один вопрос, который старик тоже считал бестолковым.

– Во-первых, врагу не всегда ведом страх от направленного в его сторону оружия. Сочтет блефом, игрой, и только. Или растеряется. Во-вторых, не выйдет получить удовольствия от мести. Врага просто не станет. Не получится понаблюдать за его мучениями и испытать тайное удовлетворение. Пусть пройдет время, пока твой враг будет корчиться в агонии. Дни, месяцы и даже годы. А когда это его окончательно добьет, можно будет шепнуть на ушко: а ведь это все я...

Глава 1

– Вадик, детка, ты не забыл? Сегодня благотворительный концерт, на котором нам с тобой непременно надобно быть. Уже через полтора часа.

Он вздрогнул, роняя запонку на пол. Она утонула в высоком ворсе ковра. Пришлось нагибаться, шарить под стульями. Белоснежная сорочка тут же выскочила из брюк и пошла заломами на животе.

Вадик поморщился.

Сейчас она увидит складки и примется его отчитывать: и неряшлив он, и не понимает, что подобное недопустимо. Он же не официант, а ее спутник. Почти муж. И явится в измятой рубашке. Ее знакомые примутся шептаться по углам. Последуют многозначительные ухмылки, намекающие на его происхождение.

Не то чтобы ее нытье так уж сильно его раздражало, нет. Просто он сам считал ее претензии обоснованными и сердился больше на себя. Этого он не любил. И так сейчас причин сердиться на себя было больше, чем когда-либо.

Он вляпался! Так конкретно, что намечающаяся свадьба под большим вопросом. И дело вовсе не в измявшейся рубашке. Все гораздо серьезнее.

Его шантажировали! Напрямую, не через подставных лиц. Он знал шантажиста! Тот скалился ему в лицо и требовал невозможного. Иначе...

– Вадик, детка, что стряслось?

Он резко обернулся на звук голоса. Светлана застыла в дверях с широко разведенными руками, упершись в притолоку. Она была красивой, и очень ему нравилась. Невзирая на всякие гнусные слухи, намекающие на его расчет, он хотел ее.

Ну конечно, и расчет немного присутствовал, как без него!

Светлана была богатой наследницей. Ее отец умер три года назад, оставив огромное состояние и место в совете директоров одной из крупнейших компаний. Но при всех меркантильных расчетах она была умницей и красавицей, да и старше его всего лишь на десять лет. Он много раз задавался вопросом: смог бы он в нее влюбиться, будь она бедна? И отвечал себе почти всегда утвердительно.

Она была необыкновенной!

– Света, я много раз просил тебя не называть меня деткой! – выпалил он со злостью и зашвырнул куда подальше запонку, которая нашлась. И он теперь вертел ее в руках. – Я не твой сын! Я твой мужчина! И собираюсь стать мужем, в конце концов. Твое «детка» неуместно.

– Прости, – отозвалась она без намека на обиду.

Ее глаза наполнились тревогой, став темнее, хотя это было практически невозможно. Глаза у Светланы были темно-карими.

– Принято. – Он натянуто улыбнулся и развел руки в стороны. – Как видишь, рубашка ни к черту. Надо что-то придумать.

– Уже, д-дорогой, – сорвавшееся, было, «детка» она вовремя заменила. – Я еще вчера заказала тебе другую сорочку, только доставили. А состав этой ткани подразумевал, что она изомнется. Это неприемлемо.

Он коротко улыбнулся и пошел в гардеробную, где ее горничная уже наглаживала рубашку, вытащив ее из упаковки. Светлана без лишних упреков пошла в угол, подняла брошенную им запонку. Минуту рассматривала глубинную игру дорогого камня, а потом со вздохом произнесла:

– Но что же все-таки произошло на самом деле, детка?

Она выглянула из спальни, удостоверилась, что Вадик на первом этаже о чем-то говорит с горничной, и достала телефон из глубокого кармана комбинезона черного шелка.

– Алло, Влад?

– Так точно, Светлана. Я. На связи.

Хлопов всегда так отзывался – и ей, и ее отцу, на которого начал работать более двадцати лет назад, уволившись из органов. Она сейчас даже и не вспомнила бы, сколько именно. Кажется, он был всегда.

Она коротко улыбнулась.

– Влад, что-то происходит. Не пойму, что именно, – проговорила она, понизив голос.

– Вадик? – тут же догадался верный начальник службы безопасности.

– Да.

– Что-то конкретное?

– Нервничает. Без причины. Рассеянным стал.

– Может, жениться не хочет? – с легким смешком предположил Влад Хлопов.

– Хочет, – фыркнула она весело. – Еще как хочет! Ему бы и не хотеть!

Светлана была умной женщиной, и многое понимала. Вадик не стал исключением, но она привязалась к нему, и он отвечал ей тем же. К тому же она чувствовала, что он ее хочет. Подобное разыграть вряд ли кто-то был способен. Это казалось ей главным условием для семейной жизни.

К тому же он был не глуп, не ленив. Обладал неплохим вкусом. Был удивительно хорош собой. У него отменное здоровье. Все то, на что она поставила, решив завести детей. Или от Вадика, или ни от кого.

– И вдруг ни с того ни с сего он начинает хмуриться. Уходить от ответов, – рассказывала она Хлопову. – Сейчас вот запонку закинул в угол.

– Ту самую? – уточнил Влад.

Он сам их выбирал по просьбе Светланы и знал, насколько они дорогие. Помнил, как Вадик трепетал, доставая их из коробочки. Даже слюну нервно сглатывал.

– Ту самую...

– Подозрения имеются? – спросил Влад.

– Стала бы я звонить!

– Понял. Принял, – коротко ответил начальник ее службы безопасности и отключился.

За его немногословность и отсутствие долгих пространных обсуждений Светлана и ее отец его особенно ценили.

– Никакой болтовни и лишних телодвижений, а дело сделано, – восхищался отец работой Хлопова. – Цени его, дочка. И держи при себе.

На сегодняшний день, когда со всех сторон на нее давили, пытаясь лишить влияния в бизнесе, это был, наверное, единственный человек, которому она по-настоящему доверяла.

Ему и Вадику. До недавнего времени. Теперь он вдруг стал ее тревожить.

– Светланка, как тебе?

Вадик медленно поднимался по лестнице в уже отглаженной белоснежной сорочке, ладно обтягивающей его мускулистое молодое тело. Она выложила за нее кучу денег, но оно того стоило.

– Потрясающе. – Она нежно поцеловала его в губы. – Ты лучший.

– Нет, это ты у меня лучшая.

Он отступил на шаг и осмотрел ее с ног до головы. Черный шелк матово поблескивал, не скрывая тонкой талии и длинных ног. Глубокий вырез обнажал стройную шею, отсутствие рукавов демонстрировало красивые руки.

– Ты лучшая... – прошептал он с той самой хрипотцой в голосе, после которой они обычно оказывались в койке.

– Даже не думай! – громко рассмеялась она. – Иначе мы опоздаем. А...

И они в один голос закончили:

– Опаздывать нам нельзя...

Благотворительный концерт струнного оркестра устраивался далеко за городом в каком-то огромном доме, напоминающем дворец.

Вадик там никогда не был. Видел лишь фотографии. Ехать в такую глушь при теперешнем положении вещей ему страшно не хотелось, и он ворчал всю дорогу.

– Почти двести километров до места! – ахнул он, сверяясь по мобильному с навигатором. – По бездорожью! В лесу!

– Не мели чепухи, – отозвалась Светлана беззлобно, устраиваясь рядом с ним в машине. – Дорога великолепная.

– Ты бывала там? – Он покосился на нее с подозрением.

Хозяин дома, по слухам, был любителем красивых женщин и все еще оставался активен, невзирая на возраст. Ему было хорошо за шестьдесят.

– Случалось, – ответила Светлана туманно и принялась расправлять складки шелка на сиденье.

– У вас с ним что-то было?

Вадик прикусил нижнюю губу. Стыдно признаться самому себе, но он ревновал Светлану. Сильно ревновал! У нее было какое-то прошлое, о котором он ничего не знал. Ей часто звонили посторонние мужчины, с которыми он был незнаком. Она при этом могла быть загадочной, веселой, печальной и никак этого не объяснять.

Он надеялся, что все изменится после свадьбы, до которой оставалось чуть меньше двух месяцев. В любом случае он будет иметь право задавать вопросы. Или требовать поставить телефон на громкую связь. Он вообще мог запретить ей все эти левые звонки.

Вадик чуть повеселел и успокоился. Света начала напевать, а он обожал, когда она пела. У нее был красивый голос, великолепный слух и песни она выбирала те, которые ему нравились.

Он осмелился ей подпеть, страшно сфальшивил, и они тут же рассмеялись.

– Обожаю тебя! – Он поймал ее руку и прижался губами к ладонке. – Ты лучшее, что случилось в моей жизни. Все у нас будет хорошо! Долгая счастливая жизнь и...

– И дети, – вдруг выпалила она, впервые обнажив свой секрет. – Ты ведь хочешь детей, детка? Ой, прости, прости!

Вадик тяжело вздохнул и покосился на нее с улыбкой.

– Конечно, я хочу детей. Твоих и моих детей, Света. Мальчишку и девчонку. Милых таких, озорных. Чтобы шумели, смеялись и... Может, тогда уже ты перестанешь называть меня деткой.

Они снова рассмеялись. Вадик стало казаться, что все его проблемы мелки и ничтожны в сравнении с любовью этой прекрасной женщины. Они все преодолеют. Ему надо только рассказать ей правду, какой бы страшной она ни казалась. Вместе они придумают что-нибудь.

– Малышка моя, я так тебя люблю, – произнес он мягким теплым голосом.

– Я тоже люблю тебя, – отозвалась она, внимательно вглядываясь в узкую асфальтированную дорогу, что петляла между сосен.

До места им оставалось тридцать пять километров.

– И я хотел с тобой поговорить о чем-то важном. Или нет... Не важном, а противном. Это меня гнетет.

Он нахмурился. Показалось, что за поворотом что-то блестит или светится.

– Я почувствовала, – призналась Света, тоже внимательно всматриваясь вперед. – Что там?

– Не вижу пока.

– Так что это за тайна, которая тебя угнетает, а? – Она вдруг ткнула пальцем в ветровое стекло. – Ой, там кажется, авария!

– Да, что-то не так.

Он нахмурился. На обочине стоял внедорожник серебристого цвета с распахнутой водительской дверью и разбитым задним бампером. Из-под сильно смятого капота шел пар или дым, попробуй разобрать в такой темноте!

– Кто-то въехал в эту машину и скрылся, – тут же сделала вывод Светлана. – Остановись, надо посмотреть. Может, кому-то нужна помощь?

– Сиди спокойно! – приказал он ей незнакомым напуганным голосом. – Сейчас мы объедем эту машину, и сразу станет видно, есть в ней кто или нет. Сиди, Света!

Все внутри сжалось и окаменело. Сам себе он показался куском смерзшейся земли. Непроста все это, непроста! Странная авария. И где? На дороге, по которой почти никто не ездит!

– Это точно кто-то из гостей, – предположила Светлана, когда они медленно объезжали разбитую машину. – Вадик, смотри, там женщина!

В самом деле, на водительском месте сидела женщина в нарядном светлом платье. Голова с растрепавшейся прической лежала на руле. По голой левой руке струилась кровь. Платье тоже было выпачкано.

– Надо вызвать спасателей. – Он схватил за руку Свету, намеревавшуюся тут же выпрыгнуть из машины. – Сиди!

Вадик достал мобильник и принялся набирать номер службы спасения. Раз, другой, третий. Безрезультатно. Связи не было даже с этой службой. Чертова глушь!

– Я сейчас выйду, а ты запри машину и сиди, никуда не выходи. Я посмотрю, что можно сделать.

У него трясся каждый нерв, пока он шел от своей машины к внедорожнику.

Им надо было уехать, добраться до места и тогда вызвать спасателей. Конечно, это выглядело бы так себе: бросили человека в беде, и все такое. Зато он сейчас не ощущал бы в беде себя. А она надвигалась, он это понимал.

– Вадик, что там? – Света вопреки запретам открыла свою дверь и выбралась наружу.

– Сиди! Не выходи! – крикнул он ей.

А когда услышал за своей спиной осторожное дыхание и угадал чье-то присутствие, успел крикнуть ей:

– Света, уезжай! Немедленно уезжай!

Глава 2

– Труп женщины, предположительный возраст: от тридцати до сорока лет, – монотонно гудел голос эксперта Володи Изотова, усевшегося на обочине прямо на землю. – Смерть наступила приблизительно десять часов назад или больше. Точнее – после вскрытия.

– Причина?

Павел Климов лениво перекатывал во рту мятную жвачку. Он давно уже ввел в привычку выезжать на место происшествия непременно с жевательной резинкой, и лучше поядренее, чтобы глаза слезились от агрессивного вкуса. Его это расслабляло. Иногда помогало скрыть последствия вечеринки, случившейся накануне. Такое не часто, но случалось.

– Причину пока сказать не могу, – озадачил его Володя.

Мятная жвачка переключалась с левой стороны на правую.

– Открытых ран нет. Ссадин и гематом много, но, только вот... – Изотов замолчал, перевернул жертву на живот и ахнул: – Мать Божья!

– Что там?

Климов вытянул шею, пытаясь заглянуть Володе через плечо. Не вышло: тот слишком низко склонился над жертвой, а подходить ближе Климов не захотел. Его с утра слегка мутило, и не по причине вчерашнего застолья. Его не было! Из-за шибанувшего давления. Ни с того ни с сего выстрелило утром, когда он...

Нет, ну зачем выпендриваться и врать самому себе? В голову ударило, когда он входил утром на заправку. Так? Так. А что там случилось? Кого он увидел? Правильно, своих бывших: жену и друга детства. Оба стали бывшими, когда друг увел у него жену. А она послушно за ним пошла.

Климов часто думал потом: поспорь он с Антоном на Алену, снова проиграл бы, как много раз до этого. Он и проиграл! Алена его бросила. Ради Антохи.

– Нет, Климов. Не ради него, а ради спокойной размеренной жизни. В комфорте, покое, любви и достатке, – раскладывала по полочкам его неудачу в личной жизни подруга и коллега Варя Воронова. – Позвал бы ее кто-то другой, а не твой друг, она и за ним бы пошла.

– Хочешь сказать, что она такая продажная?

– Нет, не продажная. Просто устала от тебя. И тратить жизнь хрен знает на что надоело.

– Я не хрен знает что! – возмутился он.

– Не ты. А то, что ты в себе несешь.

– А что я в себе несу?

– Разруху...

Он разрушил все и понял это много позже. У них с Аленой были чувства, да. Крепкие, надежные. У них имелось жилье – не в кредит, свое. Был загородный дом: не хибара под снос, а добротный сруб с прудом и парком вокруг. Не большим, но все же своим. Грядки вокруг дома он презирал.

Все это досталось ему от деда, бабки и отца. Маму Павел не помнил. Казалось бы, живи и радуйся. Но он как-то ухитрялся не радоваться, а чужую радость – гасить. Алена вечно хмурилась и досадливо кусала губы. Он хмурился с ней на пару и со временем старался все меньше бывать дома. У него выходило. С его-то работой!

И Алена ушла к Антохе. Сегодня утром они сидели друг против друга за крохотным столиком на заправке и пили кофе. Казалось бы: что здесь необычного? Чего он так психанул?

Но дело в том, что все было необычным. Как они сидели, склонившись друг к другу. Как смотрели друг на друга. Как улыбались и пили это дрянное пойло. Климов ведь нарочно купил стакан, чтобы понять: кофе был отстойным. Он после первого глотка его выбросил.

А они пили! И как?! Как будто никого вокруг не существовало и это не стол на заправке, а островок необитаемый.

Вот в голову ему и ударило. Варя, заметив его раздражение и нездоровый красный цвет лица, заставила присесть и тут же померила ему давление. Она, как старушка, вечно таскалась с этим аппаратом и аптечкой. А ей ведь еще и тридцатника нет!

– Мне надо контролировать свое здоровье, Паша, – призналась она ему однажды. – Иначе не пройду медкомиссию. Уволят, и что я тогда буду делать? Куда подамся?

– С твоими-то мозгами! – фыркнул он в ответ.

– Вот-вот, только лишь с мозгами... Остальным-то меня судьба не наградила.

Варя, сморщив лицо, в таких случаях косилась на свои крупные бедра и полные колени. Он никогда ее не утешал. Пробовал вначале, но получил в зубы. Счел, что врать другу и напарнику неправильно, и заткнулся...

– Так что там, Володя?

– Ее словно переехали на машине, – проговорил тот слабым голосом. – Под одеждой видно не было, но...

– Что но?

Климов закатил глаза. Ему не терпелось убраться отсюда. Рядом с жертвой он все осмотрел и ничего не обнаружил: ни окурка, ни пуговицы. Чуть дальше того места, где было обнаружено тело, в лесополосе работают оперативники и криминалисты. Пока безрезультатно.

– То есть она погибла в результате дорожно-транспортного происшествия? – уточнил Климов.

– Я не знаю... Крови нет. Как-то странно, – забормотал Володя.

Он вообще не терпел давать преждевременных заключений во избежание путаницы. Случилось однажды, что его неосторожно оброненная фраза имела потом фатальные последствия. Если бы не дефицит кадров, его бы уволили. В итоге оставили, но нервов это ему стоило. Володя даже в нервном отделении отлежал полтора месяца.

– Что странно?

Климов надул огромный пузырь, лопнул его, выплюнул жвачку в обертку, скомкал и сунул в карман. Мусорить на месте происшествия было нельзя.

– Как будто на тот момент она уже была мертва.

– Может, и была, – равнодушно пожал плечами Климов. – Вскрытие покажет.

Майор повернулся к мужчине, который обнаружил погибшую и вызвал полицию. Тот все еще оставался в своей машине, припарковавшись в пяти метрах отсюда. Его попросили пока не уезжать.

Павел пошел к его машине, постучал по стеклу. Когда тот с нервной улыбкой опустил стекло, спросил:

– А вы не знаете, куда ведет эта дорога? Ни одного указателя.

– Эта дорога ведет к дому одного очень влиятельного лица, – пояснил мужчина и потер ладонями небритые щеки. – Там не дом даже, а замок, и дорогу делали для него же. Больше там никто не живет.

– А вы как оказались на этой дороге?

– На рыбалку ехал. – Он кивнул за спину, где на заднем сиденье были любовно разложены рыболовные снасти. – Пара прудиков осталась, которые не приватизировал наш магнат, вот я туда и езжу. Сначала круг делал, а потом мне подсказали, что дорога тут крутая есть. Я и стал тут ездить. Хоть на десять километров дальше, зато едешь себе в любую погоду, не переживаешь, что можешь в колею попасть и не выбраться.

– Кто подсказал?

– Ребята-рыбаки. Видели, когда тут строительство велось.

– Кого-то конкретно назвать можете?

Он понимал, что тянет пустышку и из вредности пристаёт к мужику. Дело с этим трупом – еще то. На пустой дороге, на обочине лежит труп женщины в вечернем наряде. Без внешних повреждений, но предположительно раздавленный машиной. Причем, предположительно, после смерти! Ни сумочки при ней, ни телефона.

Что она делала? Как тут оказалась? Где ее переехали? Дорога-то чистая. Никаких следов торможения. Ничего! Где-то убили, покуражились и сюда притащили? Но откуда?!

Климов понимал, что это потенциальный «висяк», и вредничал. А мужику, было видно, наскучило тут сидеть: и рыбалка сорвалась, и мент прицепился.

– Нет, никого конкретно назвать не могу, – цедя сквозь зубы по слову, проговорил тот. – Было давно. Дороге этой уже три или четыре года.

– А жертва не показалась вам знакомой?

– Шутите! – он даже повеселел. – Среди моих знакомых нет женщин, которые такие одежды и туфли носят.

– Вы неплохо ее рассмотрели, – снова уколол Климов и склонился ниже. – Может, и бренд назовете?

– Чего? – Мужик отшатнулся. – Послушайте, майор!.. Вот сделай для вас доброе дело! Лучше бы мимо проехал и рыбу сейчас ловил!

– Ладно, поезжайте. Ваши данные у меня есть. Если что, позвоню.

Мужик быстро поднял стекло, вдарил по газам и укатил. Куда бы вы думали? Рыбу ловить. Происшествие на дороге и въедливый майор не повлияли на его планы. Он должен был опробовать новенькие снасти.

Глядя вслед его машине, Климов даже немного позавидовал. У него не было никаких подобных привычек. Нет, имелась одна, но Алена считала ее глупой.

Он очень любил бродить босиком по траве в своем парке. Мог час ходить, забыв о времени. Но сейчас апрель. До травы, согретой солнцем, еще ой как далеко!

– Я поеду в дом, который там. – Он ткнул пальцем в ленту дороги, ныряющую за сосны. – Необходимо переговорить с жильцами. Вдруг эта нарядная дама оттуда?

Климов еще раз просмотрел фото жертвы, которые сделал на телефон, сел в свою машину и поехал. Сколько он проехал, когда ему снова пришлось остановиться? Пять километров и сто двадцать два метра. Он выбрался из машины, которую припарковал прямо напротив развороченной обочины, осмотрелся и сразу набрал коллег.

– Вам необходимо подъехать, – повторил он твердо, выслушав недовольное брюзжание. – Да, согласен, что не факт. Но слишком тут некрасиво: и сколки стекла, и крохотные фрагменты краски, и следы обуви. Могу ошибиться, но есть что-то похожее на кровь. Так что без лишнего нытья дуйте сюда. А я поеду дальше...

В дом, ворота во двор которого венчали конец дороги, Климов попал через двадцать минут. Далекое было ехать! Забился человек в глушь. Личный крохотный парк с сиренью, липами и зарослями можжевельника показался ему с носовой платок в сравнении с лесом, раскинувшимся вокруг дома. Огромные сосны, дубы, лужайки, и все это без конца и края, куда голову ни поверни!

– Потеряться легко, – пробубнил он себе под нос и нажал кнопку звонка на кованых воротах.

Ворота открылись как по волшебству. Климов пошел по выложенной камнем дорожке к дому. Его встречал дворецкий. Ну, а как же! Если замок и лес вокруг, то непременно дворецкий. И пруд с лебедями. Последнего он не видел, но почему-то был уверен, что тот есть.

– Следуйте за мной, – скомандовал сухощавого вида мужчина, внимательно изучив его служебное удостоверение.

Его вели долго. Коридорами, напоминающими ломаные линии. Комнатами, в которых Климов рассмотрел больше музейного, нежели жилого. Наконец вывели на балкон – теплый,

установленный кадками с пальмами. Там-то он и увидел эту женщину: красивую, в красивых многослойных одеждах яркого изумрудного цвета и белоснежном тюрбане на голове.

– Добрый день, – мягко улыбнулась она, протягивая ему ладошку. – Вы из полиции?

– Так точно. – Климов неожиданно для себя поцеловал протянутую руку.

– Что-то случилось? – Женщина протяжно зевнула, нисколько не смущаясь. – Вчера здесь проводился благотворительный концерт, после него фуршет. Последние гости разъехались в половине четвертого. Всех проводи, всем улыбнись. Я так устала!

– Понимаю. – Климов сдержанно улыбнулся, на самом деле ничего не понимая. – Я недолго.

Он достал телефон, открыл фотографию мертвой женщины и протянул его хозяйке.

– Взгляните, может, это кто-то из ваших гостей.

В первое мгновение она отшатнулась, сильно побледнела и какое-то время сидела, не двигаясь и не делая попытки снова взглянуть на фото.

– Вы ведь все равно не отвяжитесь, – пробормотала она минуту спустя и повелительно шевельнула пальцами. – Позвольте еще раз взглянуть.

Климов подчинился. Дама в изумрудных одеждах его не раздражала даже притом, что у нее был личный лес, дворецкий и пруд с лебедями. Последнего он не видел, но должен же он был быть!

– Нет. Этой дамы точно не было, – выдохнула она с облегчением.

– Вы уверены? – Климов еле сдержал разочарованный вздох, убирая телефон в карман кожаной куртки.

– Абсолютно! – Она указала пальчиком на его карман, где скрылся телефон. – Во-первых, маникюр...

– А что с ним не так?

– Ничего! Его просто нет у этой мертвой женщины. И прическа! – возмущенно фыркнула хозяйка.

– А что прическа?

– Эта химическая завивка, или что там у нее на голове. – Она брезгливо поморщилась. – Среди моих гостей не было женщин с такими волосами.

– Понятно...

Климов повторил сдержанную улыбку, кивком поблагодарил и повернулся, чтобы уйти.

– Что вам понятно, ну вот что вам понятно? – возмутилась женщина ему в спину. – Понятно ему! Мне вот лично ничего не понятно!

– Что именно?

Павел притормозил и обернулся, насторожившись. Он уже предвидел, что она сейчас начнет ругать его за раннее вторжение, нарушение личного пространства и тому подобное, за что сейчас реально можно получить.

– Как на этой мертвой женщине мог оказаться наряд Светочки Роговой?! – Ее припухшие от недосыпа глаза широко раскрылись. – Мне непонятно! А вам?

Климов похолодел и подумал: ну вот, началось!

Он вернулся к креслу, в котором восседала не выспавшаяся дама в изумрудных одеждах, и, чуть склонившись к ней, переспросил:

– Чей наряд на мертвой женщине?

– Светланы Роговой. Она должна была вчера присутствовать на моем вечере, но не приехала. Вместе со своим женихом. – Тут женщина слегка сморщилась. – Собираются пожениться, но явный мезальянс: он моложе Светочки на десять лет. Вроде и любит ее, и красиво ухаживает, но... Не верю!

– И они не приехали?

– Нет. Хотя из дома выезжали. Светочка присылала мне сообщение. Оно у меня даже сохранилось.

Хозяйка грациозно изогнулась в сторону дверного проема, ведущего на теплый балкон размером с гостиную Климова, и громко крикнула:

– Таня, принеси мой телефон!

Таня явилась с телефоном через мгновение, Климов даже до двух не успел сосчитать. Либо уже стояла наготове с телефоном, либо обладала способностью перемещаться со скоростью света.

Хозяйка полистала переписку со Светланой Роговой, нашла вчерашнее сообщение и показала ему. Да, все верно. Рогова написала ей, что они выезжают. И было это в двадцать пять.

– Мы собирали всех к девяти вечера, но заранее знали, что половина гостей опоздает. Поэтому концерт должен был начаться в десять. Светочку с ее плейбоем мы ждали до десяти часов десяти минут. Они не приехали, и концерт начался без них. Знаете, честно, я была несколько раздражена, – нехотя призналась дама, возвращая телефон прислуге. – Света должна была прилично отстегнуть на благотворительность. Мы заранее оговаривали суммы. Приблизительные, конечно. А она не явилась... Но потом я закрутилась, и как-то у меня выпало, что их нет. Народу собралось много. Мне, как хозяйке, было совершенно некогда.

– Так что с нарядом? Как вы могли знать, если она не приехала? – спросил Павел.

– Таня, телефон!

Горничная тут же вложила мобильный в ее растопыренную ладонь. Хозяйка снова принялась листать и наконец нашла фото.

– Вот. За пару минут до того, как они выехали, Светлана сделала селфи и прислала мне. Черный шелковый комбинезон и туфли еще вчера принадлежали Светлане. Как, позвольте спросить, они оказались на мертвой женщине без маникюра и прически?

– Она могла купить тот же самый наряд и...

Она не позволила ему закончить и расхохоталась – зло, с надрывом.

– Издеваетесь?! – Ее глаза раскрылись шире. – Второго такого комбинезона нет! Светлане его отшивали в Милане на заказ.

– Даже так... – пробормотал Климов.

Он тут же подумал, что пруд с лебедями точно есть. И зоопарк наверняка с тиграми и питоном. Твою мать, а!

– Именно так, молодой человек.

Она вздохнула и покусала нижнюю губу, видимо, чтобы вернуть ей цвет и сочность. Спросонья ее рот напоминал бледно-синее пятно.

– И туфли... Это ее. Мы вместе гуляли по бутикам, когда она их покупала. Туфли ручной работы. Может, еще существовали размеры, но... сильно сомневаюсь, чтобы эта женщина с вороньим гнездом на голове и ненакрашенными ногтями могла себе позволить купить туфли за сто пятьдесят тысяч евро.

Климов чуть не задохнулся и тут же подумал, что вряд ли это пруд, скорее озеро. Там не только лебеди, но, возможно, и форель, и лотосы.

– Вы ведь найдете ее, так? – Голос женщины сделался вполне нормальным, исчезла кичливость, появилась тревога. – Света пропала. И с ней сто процентов случилась беда.

– Почему вы так думаете?

Он, между прочим, тоже так думал.

– Эти вещи она ни за что не отдала бы никому. Их можно было снять со Светы только мертвой!

Глава 3

Вадик поежился от холода, сквозившего из зарешеченного окна, и покосился на странного вида мужчину, сидящего на скамейке напротив.

– Что, пижон?.. – оскалил тот щербатый рот. – И таких, как ты, сажают?

Сажают? Почему? Куда?

Он с силой зажмурился и потер лицо ладонями. Потрогал голову и охнул от боли. На макушке была огромная шишка. Очень большая, размером с куриное яйцо. Как это случилось?

Не открывая глаз, он попытался вспомнить. А когда удалось, тут же бросился к двери и забарабанил по ней кулаками.

– Чего хулиганишь?

В крохотное окошко, распахнувшееся на уровне лица Вадика, заглянуло усталое лицо пожилого мужчины.

– Почему я здесь? Что случилось?

– А ты не помнишь? – тот изумленно округлил глаза. – Как на полицейских бросался?

– Нет. – Он почувствовал, что бледнеет. – Когда? При каких обстоятельствах? Где я вообще?

– Ты в полиции, парень. А на остальные вопросы тебе следователь ответит.

– Следователь? Почему следователь? Я же пострадавший! У меня на голове шишка! Адвокат... Мне нужен адвокат! – завопил он, начиная припоминать.

– Нужный человек освободится от дел минут через двадцать, вызовет тебя на допрос, тогда и адвокат будет. А пока не шуми, не хулигань. Не в твоих интересах.

Окошко захлопнулось. Вадик вернулся на жесткую скамью. Щербатый мужик в грязной рваной одежде смотрел на него с любопытством.

– Что, и правда ничего не помнишь? – с сомнением покачал он головой.

– Нет. Вы видели что-нибудь, когда меня привезли? Что хоть было то?

– Вообще-то, нас с тобой одновременно доставили. Только на разных машинах. – Мужик почесал шею, заросшую грубыми седыми волосами. – Ты орал, брыкался и все звал какую-то Свету.

Света! Внутри образовалась огромная ледяная яма, засасывающая все его мысли. Где она? Как он мог попасть в полицию? Как вообще...

И тут он все вспомнил! Вчерашний вечер, их неспешная езда по загородной дороге – ровной и гладкой, как стекло. Разбитая машина на обочине. За рулем окровавленная женщина. Света просит его посмотреть, в чем дело, и по возможности помочь бедняжке. Он выходит из машины. Говорит Свете закрыться и не выходить.

Он предвидел, что это какая-то дрянь! Развод! Его же шантажировали, предъявляли требования – страшные, невыполнимые. Он не отказывался. Пока молчал, но не собирался ничего делать. Именно поэтому велел Свете оставаться на месте, а сам пошел к машине.

Он только успел почувствовать на своей шее чужое дыхание. Даже среагировать не смог, как его с силой ударили по голове. Отсюда и шишка.

Но как он оказался в полиции?

– Я немного слышал, как у дежурки менты переговаривались, – продолжил рассказ мужик. – Вроде ты шел по трассе. Был дезориентирован. Подумали, что ты под дозой и повезли сначала в больничку, а потом сюда. Теперь жди...

– Чего?

Вадик попытался сглотнуть, но во рту было страшно сухо. Это от удара или ему что-то вкололи? Поэтому он показался проезжавшим мимо полицейским наркоманом?

И где, черт возьми, Света?!

– Вот придут результаты твоих анализов, тогда они станут решать, что с тобой делать. Отпустят или еще чего. – Мужик в шутливом испуге прикрыл щербатый рот грязной ладонью. – Может, на принудительное лечение отправят.

– Я не наркоман. Вообще ни разу не употреблял, – вяло отмахнулся он. – Просто ничего не помню...

Он и правда не помнил, как выбрался с той дороги. Как шел по трассе. Разве смог бы он пройти столько километров пешком? Он бы до утра добирался.

– А во сколько нас с вами привезли? – встрепенулся Вадик.

– Чуть за одиннадцать, в начале двенадцатого. Часов-то у меня нет, – широко заулыбался дядя.

– Если нет часов, то как вы помните время? – усомнился Вадик.

– В одиннадцать вино перестают продавать... Я не опоздал! А продавщица без одной минуты не продала. Я шум поднял, а она сразу полицию вызвала. Пока приехали, пока разобрались, пока доехали. В общем, двенадцатый час был, парень. А может, и все двенадцать.

Понятно. Пешком он бы ни за что не дошел. Значит, его шарахнули по голове, загрузили в машину, довезли до трассы и выбросили на обочине, как мусор.

Могла это быть Света? Вряд ли. Но ее верный цербер – Влад Хлопов – запросто. Если он узнал о Вадике всю правду, то мог так поступить, спасая хозяйку от эдакого ничтожества.

Он приуныл, улегся и свернулся на жесткой скамье калачиком. Его тошнило, голова кружилась, мучила жажда. Но воды тут точно не дадут. Он прикрыл глаза, и ему даже удалось задремать.

– Игнатов, на выход! – громко заорал кто-то от двери.

Вадик вздрогнул, резко сел и тут же громко застонал от резкой боли в голове.

– Игнатов! – еще громче заорал конвоир. – Выходи! На допрос!

Пошатываясь, он шел по коридору со сложенными за спиной руками. Очень хотелось, чтобы это оказалось сном, просто ночным кошмаром: и коридор, и конвоир, топаящий сзади, и грядущий допрос. Но Вадик понимал, что это реальность – по страшной боли в голове. Во сне же ничего не болит...

– Ваше имя, фамилия, возраст, род занятий.

Сидевшая перед ним некрасивая полная девушка быстро заполняла бланк допроса, слушая его ответы.

– Что можете сказать по факту вашего задержания?

Она глянула на него исподлобья.

– Ничего... То есть я ничего не помню.

– Вообще ничего? – поинтересовалась она, глядя на него равнодушными пустыми глазами.

– Как оказался на трассе, не помню. А до того, как меня ударили по голове, – все.

– Рассказывайте...

Он начал рассказывать, а девушка бойко печатала. В некоторых местах его рассказа она недоверчиво крутила головой, но, внимательнее взглядываясь в его одежду, коротко кивала. Да, грязен и измят, даже порван, но это смокинг! Очень дорогой смокинг! И белоснежная рубашка.

– То есть вас кто-то ударил по голове, когда вы обходили разбитую машину?

– Чужую машину, попавшую в ДТП до нашего прибытия, – вежливо поправил он некрасивую девушку. – Наша машина стояла в стороне. В ней сидела моя невеста – Светлана Рогова. Я велел ей оставаться на месте и пошел посмотреть, в чем там дело. Честно?

– Разумеется, – кивнула она.

– Мне очень не хотелось туда идти. Я попытался вызвать службу спасения, но связи не было. И Света настаивала.

– Хорошо, вы пошли к машине, – перебила его девушка-полицейский. – Что было дальше? Что за машина?

– Я не успел даже разглядеть. Какой-то, кажется, темный внедорожник. За рулем была женщина в платье, ее голова лежала на руле. И была кровь. Я даже не понял, дышит она или нет. Все произошло как-то стремительно, страшно.

И про себя он добавил: обременительно и не нужно. Зря они остановились.

– Но на вас нет крови, – внимательно осмотрела девушка его.

– Я ничего не трогал, я просто посмотрел и пошел обходить машину. И вот тут почувствовал, что мне в шею кто-то дышит.

– Кто это мог быть?

– Понятия не имею! Меня сразу ударили по голове. И все – провал. – Вадик потрогал огромную шишку на макушке и сморщил лицо. – Мне бы к доктору!

– Угу... – неопределенно ответила некрасивая девушка-полицейский, не глядя на него. – Так куда, говорите, вы ехали?..

А потом начался самый настоящий кошмар. Вадиду реально стало казаться, что он сходит с ума.

Девушка позвонила и принялась уточнять детали у какого-то майора. Спросила у Вадика, в чем была одета его невеста, а в чем та самая женщина за рулем разбитой машины, и закончила:

– Климов, мне кажется, тебе лучше зайти. Тут один гражданин рассказывает интересные вещи. И чем-то они пересекаются с твоей утренней историей...

Минут двадцать они сидели в полной тишине. Вадик попросил попить. Она сделала ему чаю, и обычный пакетированный оказался ему невероятно вкусным и ароматным. Он глотал огненную жижу крупными глотками и жмурился от удовольствия. Стало немного лучше, хотя шишка все равно болела, стоило ему повернуть голову или скосить взгляд в сторону.

Вошел некто майор Климов, сел напротив и уставился на него долгим ощупывающим взглядом.

Вадик тоже неплохо его рассмотрел. Высокий, под два метра ростом, парень лет тридцати пяти, не больше. Гибкий, мускулистый, стройный. Лицо бледное, с крупным носом, который его ничуть не портил, а как раз наоборот. Холодные голубые глаза, высокие скулы, властный рот. Светлые волосы, стриженные под ноль.

Почему-то он показался Вадиду очень умным. И он сделал на него ставку.

Этот разберется во всем, решил он. Не то что некрасивая толстуха. Словно спит сидя, а моргает для конспирации.

– Вадим Игнатов... – со странной неуверенностью произнес майор. – Жених Светланы Роговой. Так?

– Совершенно верно. – Вадик насторожился.

– Вчера вечером вы выехали из дома в двадцать пятнадцать с целью посетить благотворительный концерт, который устраивался далеко за городом. Так?

Вадик осторожно кивнул. Откуда майор знает? Этого он толстухе не рассказывал. В смысле, про концерт и цель поездки.

– Как рассказала мне моя коллега, по дороге вы увидели попавшую в ДТП машину и остановились, чтобы оказать помощь. Так?

– Так. – Вадик часто моргал, у него вдруг заслезились глаза. – Света настояла. Я не хотел. Связи нет. Чем мы поможем? Я начал обходить машину, и меня сильно ударили по голове. Я отключился. Очнулся на обочине, на трассе. Встал и пошел. Ничего не понимаю!

– Да, сотрудники, которые вас подобрали, рассказали мне, что вы были полностью дезориентированы. Они решили, что вы наркоман. Но анализы показали, что ваша кровь чистая, –

медленно проговорил Климов, не сводя с него взгляда. – Так что же там произошло – на обочине, по пути на благотворительный концерт?

– Я все рассказал. Сил нет повторять, – произнес Вадик едва слышно.

На него накатило странное оцепенение. Он вдруг понял, что не просто так его терзают здесь вопросы.

Случилось что-то страшное. Не с ним – со Светой. И все это как-то связано с той дурацкой аварией. Да не было, возможно, никакой аварии. Это западня. Ловушка! Сети, расставленные для него. И он в них попался, как последний дурак.

– Хорошо...

Майор полез в карман кожаной куртки, которую не снял, входя в кабинет. Достал телефон, открыл что-то и сунул ему по нос:

– Узнаете?

Вадик с сильно бьющимся сердцем рассматривал синюшное лицо мертвой женщины.

– Нет, – замотал он головой.

И так обрадовался, что это не Света, даже не сдержал улыбки.

– Это не смешно! – тут же одернула его полная некрасивая девушка-полицейский.

– Я не смеюсь. Я радуюсь, что это не Света. Тьфу-тьфу-тьфу, – не стесняясь, суеверно поплевал он через левое плечо.

– Погодите радоваться, – процедил майор и принялся показывать ему другие фотографии, без конца спрашивая. – А эту?.. А это?.. А здесь?..

На фотографиях была все та же чужая женщина, но почему-то в Светином комбинезоне и туфлях. Вадика затошнило.

– Меня сейчас вырвет, – предупредил он.

И его вырвало прямо под стол девушки.

Потом был шум, суета. Кажется, майор Климов орал на нее за то, что она не показала задержанного доктору.

– А если бы он умер в камере? Или у тебя в кабинете? – надрывался он, вызывая по телефону уборщицу. – Ну, Варя! Ты что, шишку у него на макушке не видела? Она в твою ладонь уместится. У него наверняка сотрясун!..

Через два часа Вадик уже был размещен в отдельной палате в травматологии. У него диагностировали тяжелейшее сотрясение мозга вследствие закрытой травмы головы.

– Умереть – вряд ли. А вот инсульт мог бы случиться, – смотрел на майора с укором доктор, стоя возле кровати Вадика. – Что же вы делаете-то, господа полицейские! Ему же всего двадцать восемь лет. Он – пострадавший. А вы его на нары. На допрос.

Майор Климов молчал, кивая доктору.

– Хорошо начальник службы безопасности его невесты вмешался. А то бы вы его до смерти замучили.

Засыпая, Вадик подумал, что Влад Хлопов, которого он недолюбливал, вдруг оказался полезен. Странно, что Света до сих пор не приехала. Где она? И почему отдала свои вещи какой-то левой тетке? А та в них возьми и умри...

Глава 4

Он третий день не мог ее нигде найти. Телефон не просто выключен – из него удалена батарея. Иначе бы отследил. Он слонялся по ее дому, осматривал шкафы, столы, комоды и тумбочки, пытаясь отыскать хоть какой-то намек на след.

Ничего! Ничего не оставил этот засранец, чье поведение встревожило Светлану накануне их отъезда на концерт. И сейчас он в больнице под наблюдением врачей, в чем тоже заслуга Влада. Пришлось отстаивать говнюка с адвокатом Светланы. Хотя, видит бог, он с удовольствием отправил бы Вадика на годик-другой на нары!

Светлана могла не понять и не простить его, брось он Вадика на произвол судьбы. Она любила этого смазливого паренька. И надеялась с ним на семейное счастье. И детей от него хотела.

Детей ей давно пора заводить, скоро сорок лет. Сколько можно быть одной? Совершенно одной! Мать умерла рано. Отец тоже. Ни сестер, ни братьев. Двоюродные не в счет. Их Света называла пираньями. А вот дети в корне изменили бы ситуацию. У Светланы появились бы наследники, и многим пришлось бы закатать губу на случай ее смерти.

Влад точно знал, что Светлана не так давно составила завещание: он сам возил ее к их семейному нотариусу. Что в нем – он мог только догадываться. Но когда она вышла и села рядом с ним в машину, он понял, что она решилась на что-то очень необычное.

А когда она грустно посмотрела на него и произнесла кое-что, у него просто в душе заняло от нехороших предчувствий.

– Обещай мне: ты не станешь рыть землю и что-либо предпринимать, если вдруг меня не станет, а текст завещания тебя удивит. Хорошо?

– Ты заболела? – перепугался он.

Когда они общались вот так, доверительно, он всегда говорил ей «ты».

– Нет. Со здоровьем все в порядке. Но... Тянет что-то. – Она покрутила пальцами в районе груди. – Отец стал часто сниться. Все зовет к себе. Плохой сон.

– Плохой сон, – эхом отозвался Влад и побелел. – Тебе угрожают? Ты только скажи!

– Нет, не угрожают. Но жизнь такая штука... Не хочу, чтобы мою долю соучредители разорвали на части. У нас ведь в договоре что прописано? Если нет наследников, доля делится между всеми, а я этого не хочу. Лучше пусть кому-то еще, чем им. Зарвались!

Он пообещал ей сделать все, чтобы ее наследники получили свою долю.

– Если вдруг что... – добавил он. – Но надеюсь, что не переживу тебя...

Потом все было тихо и спокойно. Светлана казалась веселой и беззаботной. В бизнесе все шло своим ходом. Соучредители вдруг угомонились, не наседали. Один даже собрался выходить из дела и передать свои акции зятю. А тот, по словам Светы, был тем еще идиотом.

– Это не фигура, – улыбалась она многозначительно. – Его голос против наших ничего не стоит. Все идет хорошо, Влад.

Все и шло хорошо до того самого вечера, когда поведение жениха ее немного встревожило. Она попросила Влада разузнать, в чем дело, и пропала. В такие совпадения он не верил.

– Они не доехали до особняка? И не были на концерте?!

Влад реально чувствовал, как поднимаются дыбом волосы у него на затылке, когда майор Климов заявился в дом Светланы со своими вопросами и кучей мерзких фотографий, намекающих на беду.

Он-то еще надеялся, что Света с женихом зависли в каком-нибудь загородном отеле. Такое бывало после мероприятий. А тут Климов!

– С нее нельзя было снять все это по доброй воле. И отдать она не могла. – Влад сразу пресек все предположения майора. – Светлана Игоревна не была... не совершала то есть необ-

думанных поступков. Здесь что-то не так. Кто-то вырубил Вадика, потом снял со Светланы ее вещи и передел в них ту мертвую женщину. Сколько времени на тот момент она была мертва, вы сказали?

– Несколько часов. Полного окоченения не случилось, – пояснил с равнодушным видом майор Климов. – Иначе одеть ее в комбинезон было бы сложно.

– То есть авария в том месте случилась за несколько часов до того, как Светлана с Вадимом там проезжали? Вы это хотите сказать?

– А вы думаете иначе? – уклонился от прямого ответа майор.

Он вообще показался Владу очень умным и опасным. Влад сталкивался с такими, как майор, за годы службы в органах. Подобные ленивой поступью идут до конца, и плевать, чей хребет хрустнет под их каблуками.

– А я думаю, что этого быть не могло в принципе, – проявил снисхождение к майору Влад и озвучил то, что тот и сам наверняка знал. – По этой дороге к особняку на тот момент проехало очень много машин. Очень! Не заметить тачку на обочине мог только незрячий.

– То есть она появилась там специально для них?

– Возможно.

– Каким образом? Нарочно устроить ДТП за десять минут до появления машины Роговой? – округлял голубые, со стальным оттенком глаза Климов.

– А вы так уверены, что ДТП было? Машина могла просто стоять там и ждать. А потом ей разбили фары, бампер. Или они заранее были разбиты. Что там еще было из фрагментов на земле? Оставалось только дверь открыть, пристроить мертвую бабу за рулем и...

– Это все мы с вами знаем со слов Вадима Игнатова, – перебил его Климов. – А как было на самом деле? Неизвестно! Возможно, их машина столкнулась с той, что стояла на обочине. Вадик получил травму головы при аварии. Светлана могла погибнуть. И он в панике...

– Начинает менять женщинам наряды? Бред, майор!

– Иногда то, что поначалу кажется бредом, впоследствии оказывается правдой, – дергались белесые брови Климова. – Но соглашусь, трюк с переодеванием так себе. Не понимаю – зачем? Как в кино, для напряженности сюжета.

– Как в кино... – эхом повторил Влад и задумался.

Промолчал он минут десять. Климов терпеливо ждал.

– Может быть, все это было устроено, чтобы вогнать кого-то в ступор? Зародить страх? – предположил Влад.

– А кого? Кроме ее жениха пугать больше некого.

С этими словами Климов ушел, а Влад принялся обсасывать его предположение на все лады. Он пришел к выводу, что майор не так уж и не прав.

Вадик перед концертом был чем-то расстроен. Или напуган? В чем причина его нервного настроения? Светлана же просила узнать. Что не так?

Он попытался сегодня утром разговорить Вадика, но безуспешно. Тот лишь таращил глаза, в которых плескались страх и слезы, и без конца мотал забинтованной головой.

– Я даже предположить не могу!

Тогда Влад подумал, что все эти бутафорские штучки могли быть устроены ради того, чтобы напугать не Вадика, а Светлану. Только вот куда ее увезли после того, как переделали?

Мысль, которая тут же взорвала его мозг, показалась такой чудовищной и неправдоподобной, что он даже неуверенно улыбнулся в первое мгновение. А потом сразу же схватился за телефон.

– Ищем машину хозяйки, – принялся он раздавать указания своим людям, назвав марку, номера и примерные ориентиры. – Срочно! Это очень срочно!

Влад вышел из дома Светланы на улицу и принялся нервно маршировать по причудливо изогнутым дорожкам сада. Дорожки гравийные, нога утопала, идти было неудобно. Он

не любил тут ходить, старался всегда обойти их вдоль забора по узкой ленте асфальта и всегда считал эти дорожки причудой старого хозяина. Очень нравилось тому, как шуршат мелкие камешки под ногами.

– Как шорох осенних листьев... – мечтательно закатывал глаза старый романтик. – Как шорох волн...

По мнению Влада Хлопова, это было сплошным неудобством и расточительством. Каблуки утопали, мелкие камушки попадали в обувь. А чистка таких дорожек от грязи и сухого мусора стоила немалых денег.

Но сейчас ему срочно требовалось отвлечься от тяжелых мыслей, поэтому он ходил и ходил, взмешивая гравий.

Только не это! Господи, сделай так, чтобы его мысли не материализовались! Пусть Светлана будет жива...

Звонок от парня из команды заставил его дернуться и замереть на месте.

– Да!

– Мы нашли ее, – скорбным голосом доложил парень.

– Светлану?! – Голос осип.

– Нет, машину. – Скорбь из голоса улетучилась, оставив лишь озадаченность.

– Где? Диктуй координаты.

На месте Влад был через двадцать пять минут.

Тихое местечко при больничном дворе. Скорее – задний двор, с асфальтированной площадкой, парой скамеек и большой старинной урной в виде каменного цветка. Машина Светы стояла, загораживая вывеску у двери, но Влад уже знал, что там.

Морг. И машина Светы стояла именно там, задними фонарями к двери, возле которой сейчас курил санитар, со скучающим видом наблюдая за Хлоповым.

– Что-то потерял, дядя? – задал он вопрос, когда Влад полез в незапертую машину.

Он все там внимательно осмотрел. Чисто. Стерильно чисто. Ясно – машину вымыли и провели химчистку. Из бардачка исчезли все милые мелочи, которые Света всегда возила с собой: пробники духов, упаковки салфеток и носовых платков, газовый баллончик.

Все это пропало. В карманах дверей тоже ничего. А там у нее всегда лежала пара солнцезащитных очков. Дорогих, между прочим. Не было клатча и телефона. Выбросили или украли? Вопрос, достойный размышлений.

– Ее потерял, – сунул он скучающему санитару фото Светы в мобильном.

Санитар неохотно скосил взгляд и неопределенно подергал плечами. Ясно: денег хочет.

Хлопов достал тысячу, зажал ее между пальцев, строго глянул и спросил:

– Ты ее не видел?

– Видел. – Санитар ловко сграбастал деньги.

– Где?

Влад почувствовал, как его начинает трясти. Нервное напряжение, страх. Спина тут же покрылась ледяным потом. Он не может... Он не должен ее хоронить. Она его девочка! Он должен был ее охранять! Она должна быть живой!

Все это мелкий засранец! Все из-за него. Оттуда приплыли проблемы. Он его...

Он его ударит в память о Светлане.

– Где видел?

– Здесь и видел. На столе, с номерком на ноге. – Санитар вдруг широко заулыбался. – Еще дашь, добавлю подробностей.

Хлопов почувствовал, что кислород закончился. И не в его легких, а вообще везде. Его только что вдохнула в себя страшная беда. Весь он ушел в ее черную яму. Со свистом!

Влад согнулся, оперся рукой о стену и тяжело, с присвистом задышал.

Все! Это конец! Она предчувствовала его, поэтому и завещание составила. Что-то он упустил. Не справился.

– Что за подробности? – поднял он покрасневшие глаза на санитаря, который все так же улыбался.

– Добавь... – потребовал тот.

Влад вытащил еще тысячу.

– В общем, девушка эта у нас тут была, а потом пропала. И была вместо той другой, понимаешь?

Идиот даже хихикнул, и Влад не выдержал. Он подскочил к нему, с силой ударил под дых. Чтобы тот не упал, схватил его за воротник несвежего халата и потрянул так, что у санитаря что-то в шее хрустнуло.

– Или ты мне все рассказываешь в подробностях, или я тебя сейчас уложу туда, с номерком на ноге. Ну!

– Пусти, – просипел санитар, барахтаясь в его руках. – Пусти, все расскажу!

Хлопов опустил руки, вытер их о штаны и, тяжело дыша, глянул на санитаря.

– Ну!

– В общем... Сначала с этим номерком лежала одна баба. А потом другая, – возмущенно вращая глазами, принялся рассказывать тот. – Я каталку покатыл. Платье то же, что и было. Номер тоже. А когда рассмотрели, лицо другое. И волосы. Скандал! Начали орать, разбираться. Кто совершил подмену? Кинулись камеры просматривать. А там зеро.

– В смысле?

– Кто-то все записи удалил.

– За какое время?

– За вечер и ночь. – Санитар назвал число. – Заново запись пошла уже в семь утра. Тогда уже машина эта стояла. И получается, баб подменили.

– Она сейчас там? – Хлопов ткнул трясущимся пальцем в распахнутую дверь.

Он не повернул головы: все еще не представлял, как войдет туда, опознает. Как потом заберет ее для погребения. Этого...

Этого не могло быть! Он не должен был ее пережить! Он не должен был вообще здесь находиться!

– Нет ее там. – Санитар на всякий случай отступил на пару метров. – Ее забрали.

– Кто?

Влад нахмурился. Вадик еще в больнице. Сегодня изображал слабость и нездоровье даже артистичнее, чем вчера.

– Доктора из нервного отделения. Неврология, во! – поправился санитар, задрал прокуренный палец.

– В смысле?! Чего ты мне тут голову морочишь?! Какие доктора?

– Наши. Из больнички.

– А доктора при чем?

Он все еще до конца не понимал, но надежда занималась мягким огоньком, разгораясь все сильнее и сильнее.

– Так жива твоя барышня. Живой оказалась! – рассмеялся тот и даже в ладоши захлопал. – Пока мы тут орали и разбирались, она глаза открыла и на каталке села. Машка – помощница нашего патологоанатома – прямо там в обморок и шмякнулась. А ваша дама сидит, ничего не понимает, глазами хлопает. А потом спрашивает: «Где я?» Когда ей сказали, заорала во все горло и тоже в обморок, назад на каталку. Ну, когда убедились, что она жива, вызвали неврологов. Сейчас должна быть там, в отделении...

Влад не дослушал – полетел, огибая углы здания, как сумасшедший. Вбежал в главный корпус, наорал на бестолковых медсестер в регистратуре. Те обещали вызвать охрану. А он кричал им, что сам охрана и смеялся счастливо. Плакал и смеялся.

Сейчас было неважно, как она оказалась в такой жуткой ситуации. По чьей вине, по чьему приказу. С этим он разберется, Землю будет жрать, но разберется! И найдет виновного.

Неважно, что у Светки случился нервный криз, как рассказали ему доктора, которых он почти допрашивал, прорвавшись в отделение неврологии. Это лечится, утешили они его. Быстро лечится и навсегда забывается.

Главное – она жива! Он услышит ее голос, смех! Он ее не переживет!

И постарается, мать их... Изю всех сил постарается создать для нее такую зону безопасности, в которую не прокрадется ни одна гадина с коварными замыслами.

Последняя мысль, когда он входил к ней в палату, была о Вадике.

Интересно, как тот отреагирует, узнав, что Света жива? Влад решил, что должен первым увидеть это. Он позвонит в полицию уже после того, как сообщит Вадике.

Они подождут. Им все равно на нее плевать.

Глава 5

Варя сидела уже второй час, уставившись в монитор компьютера. Климов все это время тоже молчал. Он не считал себя виноватым в бойкоте, который она ему объявила. Он был прав.

Варя с ним не разговаривала из-за того, что он устроил ей взбучку за задержанного, которого она не показала доктору. Травма была не смертельной, но достаточно тяжелой, и с этим жиголо могло случиться что угодно: от затяжных обмороков до инсульта.

– А ты просмотрела! – упрекал Варю Климов. – Ладно в дежурке, наплыв посетителей той ночью был достаточно большим, но ты...

– Мне его ощупать надо было? – шипела она в ответ.

И чтобы скрыть слезы, агрессивно грызла мятные леденцы. Климов знал, что от них у нее всегда слезятся глаза.

– Не надо ощупывать. Надо реагировать на жалобы задержанных и предпринимать какие-то действия.

Варя тогда выскочила из-за стола, встала перед ним, едва доставая лбом до его подбородка, и наговорила такого!..

Климов, если честно, теперь не знал, как станет с ней общаться. Сверлили вопросы: неужели она и правда думает о нем как о махровом карьеристе? Что он готов ради сраного подозреваемого поставить под удар их дружбу?

Все его заверения, что только ради дружбы он и затеял этот разговор, имели прямо противоположный эффект.

– Разговор?! – свистящим шепотом возмутилась Варя. – Ты это называешь разговором?! Ты... Ты опустил меня! Перед задержанным...

И все. Они замолчали. Поначалу Климов хотел сходить за ее любимыми булками в буфет и принести им кофе из автомата, но потом передумал. Она наговорила ему гадостей, забыв о субординации и элементарной вежливости. Он – майор, она – старший лейтенант. Будет продолжать в таком духе – попросит перевести ее в соседний отдел.

– Да, пожалуйста! – фыркнула Варя, сверкнув на него злыми блестящими слезой глазами. – Не очень-то стану переживать!

– Отлично. Иду договариваться, – стукнул он ладонями по краю стола и вышел из кабинета.

Конечно, никуда Климов не пошел. Он поехал. Надо было еще раз переговорить с Володиным Изотовым, который выезжал вместе с ним на место предполагаемого преступления. Но Володи на рабочем месте не было.

– Ушел обедать. В кафэу через дорогу. Там по старинке кормят – вкусно и через кассу. На него это навеивает приятные воспоминания из детства, – пояснил помощник, поедая домашний салат из пластикового контейнера. – Он, кстати, о тебе вспоминал сегодня.

– Да? В какой связи? – удивился Павел.

– Не знаю. Говорил: вот, мол, майор Климов удивится.

– И все?

– И все. Без подробностей. Если поторопишься, Павел Анатольевич, застанешь его в кафе. Иначе придется к нам возвращаться. Володя после обеда любит прогуляться.

– Каким маршрутом?

– Маршрута нет. Идет, как он выражается, куда глаза глядят.

Володя доедал свой обед, когда Климов подсел к нему за столик.

– О, Павлик, – улыбнулся тот, дожевывая пирожок с капустой. – Рад тебя видеть. Только сегодня вспоминал.

– Уже помощник твой доложил.

Они пожалы друг другу руки.

– Что-то есть для меня?

– Да.

Володя отряхнул руки, вытер салфеткой рот.

– Сережка.

– Какой Сережка? – не понял Климов.

– У нее во рту была обнаружена сережка. Женская, золотая будто бы, с камешком. Достаточно глубоко, скорее в гортани.

– Будто бы она ее проглотила?

– Или пыталась. – Володя встал с места и приглашающим жестом указал на выход из обеденного зала. – Пройдемся?

Разгуливать, конечно, Климову было некогда, но не принять приглашения тоже нельзя. Володя обидчив.

– Может ее пытались заставить проглотить? – рассуждал Павел на ходу.

– Может быть. Вообще вся эта история с переодеванием... Зачем кому-то раздевать мертвую женщину и наряжать ее в другую одежду? – Володя потер подбородок. – А та, что осталась без комбинезона? Она голой была, когда пропала? Или... И сережка. Непонятно. Как-то странно все. Ее у той, другой, сняли и затолкали бедной мертвой женщине в горло?

– Ну, мы этого никогда не узнаем, – развел руками Павел. – Скорее всего, Светлана Рогова мертва. Из близких людей у нее лишь жених, который сейчас в больнице приходит в себя после нападения. Вряд ли он сможет вспомнить все ее украшения. Мужчины обычно на это мало внимания обращают. А Светлана...

– Черт! Я же забыл совсем сообщить тебе, Паша, прости дурака. – Володя звонко щелкнул себя ладонью по лбу. – Ваша Светлана нашлась! Жива. Может, только не совсем здорова.

– Где? Где нашлась?

Климов резко затормозил, уставившись на него округлившимися глазами.

– Коллеги звонили из семнадцатой больницы. Я тут немного проявил инициативу, уж прости. – Изотов виновато улыбнулся. – Обзвонил морги. Все пытался узнать, не пропал ли у них труп молодой женщины. Приметы описал. Очень не хотелось мне за кого-то работать: вскрытие проводить и все такое. Одно дело – поверхностный осмотр, а другое... И сегодня мне позвонили с утра и рассказали удивительную историю: у них случилась странная подмена...

Он в двух словах передал информацию.

– Они не могли установить личность женщины, которая оказалась живой. У нее страшное потрясение. Она не могла даже на вопросы отвечать. Ее определили в неврологию.

– А как установили личность?

– То ли знакомый, то ли родственник приехал. Начал спрашивать...

Хлопова Климов нашел в больнице у постели Вадима Игнатова. Тот сидел на стуле перед женихом Светланы и пристально наблюдал за его истерикой.

– Господи! Господи, спасибо тебе! Она жива! Счастье... Господи, какое же счастье! – захлебывался слезами парень.

Крепко сжатые кулаки легонько молотили по больничной койке.

– Что здесь происходит, Хлопов? – спросил Павел от двери в палату.

– Ничего особенного, – хмуро посмотрел на него тот. – Принес Вадику хорошие новости, а он плачет.

– Простите, простите, это я от счастья! – Парень потер кулаками глаза. – Не могу поверить, что все закончилось! Безумие какое-то. Полное безумие!

Хлопов и Климов переглянулись. История в самом деле отдавала сумасшедшинкой.

– Как думаете, Вадим, кому это было нужно? – спросил Павел.

Он взял еще один стул и, подтянув его, сел по другую сторону кровати.

– Кому нужно что? – Он уставил на майора рассеянный взгляд.

– Совершить подобное? – Климов вытянул ноги, сунул руки под мышки и устало глянул на парня. – В принципе, убийства никакого не случилось. Но было совершено нападение на вас и на Светлану. В ее крови обнаружилась лошадиная доза психотропных веществ. Оно и понятно. Требовалось, чтобы она не сразу пришла в себя, была податливой, когда ее переодевают. К слову, на ней оказалось платье мертвой женщины.

– Ужас... – прошептал Вадик. Его губы едва шевельнулись, лицо сделалось еще бледнее.

– Ужас. И еще какой! В голове не укладывается, – проворчал Хлопов, сверля парня злыми глазами. – Кому вы могли так насолить?

– Кто – вы?

Парень нервно завозился на койке, подтянул к подбородку больничное одеяло. Веки его задергались.

– Ты и Света... Кому вы так нагадили? – тверже, чем прежде, спросил Влад Хлопов. – Ясно же, что это чья-то месть.

– Почему именно месть? – удивленно вскинул брови Климов. – В таком случае довели бы дело до конца. А это театрализованное представление какое-то. Для хулиганства – слишком сильно. Для серьезного преступления – мелко. Это скорее не месть, а предостережение. Предупреждение! Некий посыл, намек на последствия. Нет никаких мыслей, кто таким варварским способом вас предостерегает?

– Кого вас?! Кого это вас?! – неожиданно завопил Вадик тонко и пронзительно.

– Тебя и Свету, – спокойно произнес Хлопов, положил ладонь ему на грудь и слегка придавил, прошипев: – Не верещи. Доктора сбегутся.

Как по команде, дверь открылась, впуская медсестру с капельницей. Она принялась ругаться и через минуту выставила их вон. Не проронив ни слова, они вышли из отделения и направились к стоянке. Их машины оказались припаркованными почти рядом.

– Как думаете, он что-то знает?

Климов задрал голову к небу, радуящему голубизной, поскреб пальцами горло. Его третий день мучило страшное раздражение после бритья. Следовало поменять лосьон, но добраться до магазина не было времени. Раньше Варю просил, а теперь не станет.

– Он что-то знает, – кивнул Хлопов. – Я неплохо разбираюсь в людях и кое-что уловил, когда сообщил ему о том, что Светлана жива.

– И что же? Он огорчился?

– Нет. Он обрадовался. Неподдельно. Но... – Хлопов поводил пальцами у лица. – Но застыло там что-то после того, как радость схлынула. Страх... Предчувствие... Не знаю, как точнее описать. Как будто его глаза говорили: неужели не конец? Нет, не так...

Хлопов тоже задрал голову и долго смотрел в бездонную голубую купель с плескавшимся в ней солнечным светом.

– Да. Он просто понял, что ничего еще не закончилось.

– Как она?

Хлопов тут же понял, о ком речь, и со вздохом пожал плечами.

– Доктора говорят, что все показатели в норме, все пройдет. Это лечится. Но Свету я в таком состоянии никогда не видел. Она словно съежилась вся, усохла. Как будто постарела. Если узнаю, что она пострадала за его дела, то... – Он уронил голову на грудь. – Сделаю все, чтобы их свадьбы не было.

– Что вообще о нем известно? Откуда он? Как они познакомились?

– Обычный он. Работал в нашем представительстве в Челябинске. С полной самоотдачей. Светлана объезжала филиалы, заметила его. Когда в Москве остро встал кадровый вопрос, о

нем вспомнили и перевели. Так у них и закрутилось. Это я к чему, майор? – Хлопов щелкнул сигнализацией, включил автозапуск. – Прошлое безупречное. Я проверил. Всю его родню до седьмого колена! Если что-то и есть, то это уже здесь приобретено. Никак не оттуда.

Климову пора было возвращаться в отдел. Надо подготовить отчет и доложить начальству, что все фигуранты живы, хотя и не вполне здоровы. Будет ли дан делу ход, теперь зависит только от них.

– Они будут писать заявления? – спросил он напоследок. – О нанесении вреда здоровью и так далее...

– Нет, – твердо ответил Хлопов. – Тут вы можете быть спокойны, майор. Никакого дела у вас не будет. Мы сами. Как привыкли.

– Ну, тогда бывайте.

Климов сел в автомобиль, проследил взглядом за отъехавшей машиной начальника службы безопасности Светланы Роговой.

Врут они, решил он через минуту, выезжая за ним следом. Или не говорят всей правды. В этом странном происшествии много непонятного и странного, но ясно: действовал не один человек.

– С чего ты решил? – усомнилась Варя, когда он рассказал ей о своих подозрениях.

Она поставила ему на стол тарелку с булочками и термокружку с кофе. Это была пальмовая ветвь, и он ее принял.

– Машин было две, Варвара, – с аппетитом откусывал он от мягкой булки. – Как один человек смог бы их перегнать? И вся эта возня с переодеваниями... Нет, минимум двое. Максимум три-четыре человека.

– Банда? – ахнула она. – Как в девяностых, когда гробы к домам подкладывали?

– Банда? Может, и банда. – Он наморщил лоб и вздохнул. – А может, просто группа лиц с преступными наклонностями и нездоровыми фантазиями.

– А это не одно и то же? – весело фыркнула Варя.

– Не забывай: все пострадавшие живы. – Он погрозил потолку кружкой с кофе. – Изрядно помяты морально и физически, но живы. Они не ограблены. Машина не в угоне. Вымыта и вылизана до блеска, припаркована в нужном месте.

– А сумочка Светланы? Ее мобильник? Как же не ограблены? И документов жениха нет.

– Есть. В машине под козырьком обнаружены. И ее документы там тоже. А все остальное... Что-то подсказывает мне – все это найдется. Не было цели их грабить и убивать. Их надо было напугать до смерти. И у них получилось.

– Все же у них?

– Сто процентов. Действовал не один человек.

Варя потянулась к тарелке на его столе. Булки исчезали медленно, а она не наелась, купив себе только одну.

– Я возьму?

– Валяй.

Климов отложил надкусанную вторую булочку. Аппетита не было. Имелось отвратительное ощущение, что эта дикая история будет иметь продолжение. А это ощущение еще ни разу его не подвело.

– И что ты намерен делать? Возбуждать дело, нет? – проник в его мысли Варин голос.

– Как руководство решит. Заявлений от пострадавших у меня нет и не будет. Так они решили.

Глава 6

Полковник Иващук сидел в их ведомственной столовой спиной к входу за самым дальним столиком, почти в углу. Он всегда так садился, и не потому, что старался держать дистанцию – он ее всегда держал, – просто не любил, когда ему во время еды смотрят в рот подчиненные. Иващук считал это неприличным. К тому же он немного чавкал с детства и никак не мог избавиться от этой дурной привычки. А когда ел что-то жидкое, то непременно прихлебывал громче, чем следовало.

Сейчас, низко склонившись над столом, он поедал домашнюю лапшу с кусочками куриного мяса. Их повар Верочка была мастерицей, и домашняя лапша у нее получалась как у его матери, которой давно уже нет на этом свете. Лапша была отменной, и, да, он немного прихлебывал.

На последней ложке Егор Сергеевич почувствовал, что за его спиной кто-то стоит. Мается и слушает, как он домашнюю лапшу громко хлебает.

Он резко обернулся.

– Климов? Чего тебе?

Иващук с сожалением скользнул взглядом по биточкам с гречкой. Не даст ведь теперь поесть нормально! Начнет докладывать про гадость всякую: трупы, убийства, нападения, вскрытия. Тоже время нашел!

– Вы просили зайти, товарищ полковник, – неуверенно начал Климов.

– Ну, не сюда же, майор! – возмущенно отозвался Иващук. – Нашел место и время!

– Прошу прощения.

Длинноногий Климов развернулся, чтобы уйти, а полковник тут же вспомнил, что сразу после обеда у него назначена встреча в главке. После нее надо будет еще в одно место заехать, и после точно будет не до Климова. А дело, по которому он велел ему зайти, важное.

Его просили помочь. Важный человек, между прочим. Отказывать ему Иващук не хотел. Он мог быть в будущем полезен. Скоро на пенсию, и надо обрастать должниками, к которым можно впоследствии сунуться за помощью. В случае чего...

– Ладно, майор, присаживайся. – Полковник Иващук подтащил к себе тарелку с биточками и гречкой. – Только я буду есть. Ты докладывай и не обращай внимания, что я... жую.

Климов обошел столик и уселся, еле разместив длинные ноги под столом.

– Ну! Что там по делу с переодеваниями? Доложи в двух словах. – Иващук глянул в тарелку. – Только уволь от подробностей.

– Дела-то никакого нет, товарищ полковник, – с осторожной улыбкой, призванной изображать радость, произнес Климов. – Все живы. Рогова нашлась. Слегка разнервничалась, очнувшись в морге. Но так... Без видимых повреждений.

– Только нервяк, как я понял? – ухмыльнулся с набитым ртом Иващук.

– Так точно.

– А ее нареченный как?

– Тоже нормально. Плачет от счастья, что его невеста нашлась живой. Но... что-то он точно не договаривает. Мы побывали у него в больнице вместе с начальником их службы безопасности и немного поспрашивали. Виляет, товарищ полковник, и глазами, и словами.

– Думаешь, для него представление устроили?

– Вполне возможно. Но... – Климов выдержал многозначительную паузу, пока полковник расправлялся со вторым биточком. – Но заявлений они писать не станут. Хлопов сказал, что это их внутренние дела, сами разберутся. Машина на месте, чистая, не покореженная. Светлана Рогова в стрессе, но без внутренних и внешних увечий. Жениха ее помяли, но, что-то подсказывает мне, претензий он иметь не станет.

– Хлопов – это ее эсбэшник, как я понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– И ладно. Пусть сами разбираются.

– Значит, возбуждаться не станем? – Климов выдвинул из-под стола ноги, намереваясь встать.

– Сидеть, майор, – со вздохом, тихо приказал ему Иващук. – Ты мне лучше скажи: что по второй женщине?

– По какой еще второй? – вытаращился тот.

– По той, которую нашли в одежде Роговой. Пропавшая из морга семнадцатой больницы – с ней что?

– Ах, так это... – Павел положил ладонь на макушку, тронул ежик коротко стриженных волос. – Вернули туда, откуда ее забрали злоумышленники. Изотов постарался: обзвонил морги на предмет пропажи.

– Не хотелось самому возиться! – фыркнул полковник, взяв стакан с морсом. – И правильно. Не его хозяйство.

– Так что информации у меня по ней почти никакой. – Его колени выдвинулись из-под стола еще на несколько сантиметров.

– Зато у меня есть, майор.

Полковник сделал несколько глотков из стакана, поморщился, поставил его на стол, отряхнул китель от хлебных крошек и встал. Климов поднялся следом, как по команде.

– Мертвую женщину, которую использовали для этого дикого шоу, зовут Ляля. Так прямо и зовут – Ляля Одинцова. Тридцати пяти лет от роду. Без определенного рода занятий. Хотя нет, имелось: она была подругой и соратником Ильи Буторина, погоняло – Бут. Личность на своем районе известная. Начинал в нулевые. Сначала промышлял частным извозом, потом подмял всех «бомбил» на районе под себя. Сейчас у него официально несколько служб такси, что-то еще по мелочи. Я не вникал. Налоги платит. В поле зрения правоохранительных органов не попадает. К слову, и никогда не попадал. Слухи ходили, что Бут не брезговал ничем, но... Так все на уровне слухов и осталось. Тип внешне отвратительный. Внутри – не щупал. Но авторитетный мужик. Кое-кто из верхов с ним за руку здороваются. Говорили, что он и там услуги оказывал, но сказать точно ничего не могу. Так вот к чему я это веду, майор...

Они замерли у лестницы, ведущей на второй этаж, где у полковника располагался кабинет. Он остановился первым, значит, Климову там было делать нечего.

– Буторин обратился ко мне через знакомых и попросил о помощи.

Брови Егора Сергеевича сошлись на переносице. Он несколько минут думал, прежде чем озвучить чужую просьбу. Не будет ли это выглядеть неприятным намеком на то, что он водит дружбу с бывшими авторитетами?

– Но он мог бы и не просить. Это наша работа, майор, не так ли? – строго глянул он.

– Так точно, – ответил Климов.

Хотя пока смутно себе представлял, в чем просьба и как он по ней станет работать.

– Вот и я говорю о том же. – Лик полковника немного просветлел. – Буторин просит разобраться в причинах, побудивших забрать из морга именно его женщину. А также ее машину.

– Разбитая машина на обочине, которую увидели Рогова и Игнатов, была ее?

– Лялина. Но, как она оказалась там, никому не понятно. Машина была отогнана на стоянку после ДТП, а потом ее оттуда забрали и снова вернули. Чудеса какие-то. Главное, никто ничего не видел!

– Это так Буторину сказали?

– Да, ему так сказали. Он шумел, даже сквернословил, по слухам, но ничего не вышло. Ничего он не узнал ни о причинах ДТП, ни об исчезновении тела Ляли и ее машины. Никто с ним особо не стал откровенничать. Нам-то, сам понимаешь, майор, проще. С нами и не захо-

тят, а станут сотрудничать. Вынуждены! – поднял указательный палец полковник. – В общем, придется тебе этим делом заняться.

– Всей этой чехардой с нападением на...

– Ой, а при чем тут они! Они сами с усами. У них к нам претензий нет. А вот Буторин попросил. Слезно, – недовольно поморщился Иващук и занес ногу над первой ступенькой. – Разберись с обстоятельствами гибели Одинцовой и ее исчезновением из морга. И по машине... По машине тоже порешай. Я скину тебе его телефон. Созвонись с ним. И да, майор...

Полковник глянул на Пашу тем самым взглядом.

Да, он прекрасно понимает, что земля не их и заниматься гибелью любовницы человека с сомнительной репутацией его люди не обязаны. Но его попросили, и он просит. Не приказывает – просит!

– В общем, ты понял, Паша, – проговорил полковник, наступая уже на третью ступеньку. – Поторопись, но аккуратно. Сам понимаешь, определенный риск есть. Старайся не попадаться на глаза местным операм. Все, до вечера можешь быть свободен. Телефон Буторина сейчас скину. Созвонись. Но лучше бы вам с ним встретиться.

Уже в кабинете, плотно закрыв за собой дверь, полковник полез в записную книжку, где у него были записаны такие вот номера телефонов. В памяти мобильного он их не сохранял. Отправил СМС с номером Климову и тут же набрал Буторина.

– Илья, ты где сейчас?

Он даже не стал представляться – нужды не было. Это он подобные номера не хранит в телефонной книге, а Буторин – наверняка.

– В офисе, – ответил полковнику густой баритон. – Что-то порешали по моей просьбе, Егор Сергеевич?

– Да. Сейчас тебе позвонит один человек. Вам необходимо встретиться без лишних глаз и ушей. Сам понимаешь, задание я ему дал факультативно.

– Понял. А он, того... справится?

– Если не справится он, не справится никто, поверь. Он лучший.

– Спасибо, Егор Сергеевич. – растрогался Буторин. – Я ваш должник.

– Погоди раньше времени благодарить. – перебил его Иващук.

Он тут же подумал, что как раз должником Батурина он и хотел сделать. Скоро на пенсию...

– Расскажешь ему все и даже больше. Протоколов никаких не будет. Это просто сыск в частном порядке.

– Понял. Тем лучше. Егор Сергеевич, а он как вообще? – Буторин помялся. – Сильно правильный? Если я ему денег предложу?

– Он умный и настырный, – подумав, охарактеризовал Климова полковник. – А насчет денег, это без меня. Сами решайте. Это подработка, может, и не откажется. Ты уж тогда не обидь его, Бут...

Глава 7

Встречу Буторин назначил на каких-то заброшенных складах. Климов еле место нашел. Трижды навигатор перезагружал, и тот вел его непонятным маршрутом. Наконец дорога нашлась – узкая грунтовка, поросшая прошлогодним бурьяном. Паша свернул и долго колыхался на ухабах, чертыхаясь про себя.

Нет, он не был зол на полковника, поручившего ему это задание. Ему даже стало интересно. Невзирая на отсутствие заявлений от пострадавших, это дикое происшествие его будоражило. Он даже Варьке дал задание: поискать в Интернете возможные похожие случаи. Она полчаса назад звонила и сказала, что ничего не нашла.

– Как ты думаешь, почему на роль второй женщины выбрали именно Одинцову?

Он, конечно, с ней поделился просьбой полковника, и они даже кое-что предположили на этот счет: обоюдные долги между Ивашуком и Буториным, давняя дружба, неоплаченные услуги.

– Не просто так он к нему обратился за помощью, – подвела черту под их пространными рассуждениями Варя. – Не каждый так будет просить. Разве нет?

– Разве – да, – передразнил ее Климов. – Тебе задание, старший лейтенант: к моему возвращению нарой все, что можешь, об этой Ляле Одинцовой. Прошарь ее соцсети, установи друзей, ну и так далее, не мне тебя учить. Да... И об аварии найди информацию: когда, как, где. Наверняка освещалось в СМИ, пусть и коротенько.

Грунтовка оборвалась у ржавых ворот, распахнутых настежь. Дальше была земля, густо усыпанная щебнем. Целое море щебня! И на самом краю стояла машина Буторина с распахнутой водительской дверью.

Климов посигналил – ноль реакции. Никто не вышел, не посигналил в ответ, не поморгал светом. В голову полезли шальные мысли: с ним сейчас произойдет то же, что и с бедной влюбленной парочкой – Роговой и Игнатовым. Там – в машине – чей-то труп, с которого снимут одежду и натянута на него, обездвиженного. А потом он очнется...

Из машины выбрался Буторин, оборвав ход его мрачных фантазий, и приглашающе махнул рукой.

Паша повел машину по щебеночному изобилию, проклиная осторожность Буторина на чем свет стоит.

– Поближе никак нельзя было встретиться? – не сдержавшись, укорил он, вылезая из машины. – Такое бездорожье!

– Я так решил. Это моя земля. Мои склады. Я здесь хозяин. Приобрел год назад. Никак не возьмусь за реконструкцию, – густым сочным голосом ответил ему Буторин, протягивая руку. – Илья. Можно на «ты» и без отчества.

– Павел. – Майор пожал пухлую, но крепкую руку. – Давай сразу к делу... Одинцова была твоей подругой?

– Она была не просто подругой.

Потоптавшись на щебенке, Буторин шагнул на пожухлую траву, тяжело вздохнул и с грустью произнес:

– Ляля была моим сердцем, душой. Меня словно всего этого лишили, когда ее не стало. А когда с ее телом сотворили такое... Я чуть с ума не сошел!

– При каких обстоятельствах она погибла? Что сказал следователь по ДТП? – Он поймал удивленный взгляд и пояснил: – Я не могу обратиться к нему напрямую. Разборка идет частным порядком.

– Понял. Документы с собой. – Он полез на заднее пассажирское сиденье, достал тонкую пластиковую папку. – Здесь все.

– Не густо. – Павел полистал бумаги. – Загородное шоссе, мокрое после дождя. Машину занесло на повороте. Тормозная система в порядке. Машина врезалась в дерево. Ваша женщина погибла на месте. Как бы...

– Как бы все это туфта, майор! – со злостью перебил его Буторин.

Он отобрал папку и вернул ее на место, громко хлопнув задней дверью машины. Тяжелой поступью человека, имеющего пятьдесят килограммов лишнего веса, Буторин походил вокруг Климова. Неловким движением поправил короткую кожаную куртку. Подтянул воротник водолазки. Исподлобья глянул на Климова.

– Ляля могла по той дороге с завязанными глазами проехать, Паша. Мастер дрифта! Она могла вытащить машину из любого заноса. Я за руль не сяду в метель или гололед, а Ляля едет себе и посмеивается. Ее убили!

Он умолк и неожиданно прижал пальцы к глазам. Плечи его задергались.

– А потом надругались! Над ее телом надругались! Переодели, бросили на дороге, как... Как какой-то мусор! – Он поднял на Климова мокрые глаза. – Не прощу никогда!

– Вскрытие уже провели или нет? Я же в курсе, что и как произошло.

– Провели. Ничего такого не нашли, кроме травм, несовместимых с жизнью. Внутреннее кровотечение из-за разрыва печени от удара машины о дерево. Она была не пристегнута.

– Наш эксперт при первичном осмотре заметил, что ее уже мертвую переехали.

– Может быть... Когда оставляли ее тело валяться на обочине, суетились с машинами, могли и переехать по неосторожности. Какая еще причина?

– Ты тоже понимаешь, что злоумышленник был не один?

– Не дурак! – возмущенно фыркнул Буторин. – Такое сотворить минимум двое нужны.

– Да... Да... Понимаешь, если у нее в крови что-то было, этого могли не обнаружить при вскрытии.

– Прошло слишком много времени. Да, понимаю. Поэтому уверен, что ее убили. Помогите, майор, найти их! Просто найти. Казнить я их сам буду.

Климов промолчал, словно не услышал. В голове роились мысли.

– Скажи, Илья, как думаешь: все это было устроено, чтобы надругаться над твоей женщиной или наказать Светлану Рогову? Кто, по твоим понятиям, истинная мишень?

Буторин снова полез в машину и вернулся с крохотным пакетиком, в котором болтался пластиковый пузырек.

– Вот... Это Ляля всегда покупала в аптеке. – Он поднес пакетик Паше под нос, но в руки не отдал. – Это глазные капли.

– У нее были проблемы со зрением?

– И да и нет. Полгода назад меняли хрусталик. Почти разрушился вследствие травмы. – Он поймал ухмылку Климова и погрозил ему пальцем. – Даже не думай! Я ее ни разу пальцем не тронул. Она на ветку напоролась. Так бывает...

– А после операции? – прервал его Климов.

Меньше всего он хотел сейчас слушать истории об их отношениях – уже понял, что все там было безоблачно и по любви.

– А после операции ей назначили эти вот капли. – Илья снова помотал в воздухе пакетиком с пластиковым пузырьком. – Она закапывала их перед тем, как сесть за руль. Они лежали у нее в бардачке. Села за руль, полезла в бардачок, закапала, поехала.

– Так что у нее было со зрением после операции, Илья?

Климов уже почти понял, что произошло тем роковым днем, когда машина Ляли Одинцовой врезалась на крутом повороте в дерево.

– У нее в какой-то момент начинало двоиться в глазах. От усталости или еще по какой причине, но изображение вдруг размывалось. Мы к докторам, которые оперировали. Они,

типа, все в норме. Выписали эти вот капли. Ляля капала один раз в день перед тем, как выехать с парковки. И все, как будто ничего и не было.

Илья снова дернул вниз несуразно короткую курточку, натянувшуюся на его объемном животе, как на барабане, и поежился. Было прохладно. Климов похвалил себя, когда пренебрег прогнозами, сулившими солнечный день, и надел утепленную парку.

– В тот день что-то пошло не так, – снова заговорил Илья, сунув крупные кулаки в маленькие кармашки. – Я проводил ее до машины. Поцеловал... Она при мне закапала в глаза. И поехала.

– Что на ней было надето? Ее нашли в одном лишь платье.

– То самое платье, в котором потом очнулась Рогова. Тренч лежал в машине, там и остался. Ляля не хотела его надевать. Она ехала к подруге за город и боялась, что платье помнется.

Илья снова сползал с интересующей его темы.

– Так что с глазными каплями?

Илья непонимающе глянул на пузырек в пакетике. Мыслями он был в том дне, в том утра, когда Ляля целовала его на прощание.

– Там не лекарство. Там вода. Просто вода! Я забрал пузырек из бардачка в день аварии, как чувствовал! – Его лицо потемнело. – После того, что произошло потом, вряд ли я бы его там обнаружил. Все было подстроено! Все! Сначала они ее убили. Потом надругались.

Климов водил подошвой ботинка по крупному щебню, анализируя слова Ильи.

– Но ты сказал, что она могла по той дороге проехать с завязанными глазами, – припомнил он. – И если вместо лекарства была вода, то она...

– Она могла запаниковать, броситься тереть глаза – так бывало. Попытаться достать лекарство из бардачка, – раздраженно отозвался Буторин. – Могло быть все, что угодно. А она на скорости, мокрая дорога, поворот.

– То есть мы плавно подходим к экспертному заключению, которое оказалось верным?

– Возможно... Возможно, они и не ошиблись, она погибла именно так. Но причина ее действий заключается в том, что ей подменили лекарство на воду! Тебе не понятно, что ли, майор?!

– Понятно, почему нет. Но согласись, что так действовать глупо. Она могла затормозить, просто выйти из машины. Оказаться на заправке, когда ее накрыло. Да мало ли...

– Ты к чему ведешь, не пойму?

Буторин хищно прищурился, и Павел прочел в его глазах недовольство выбранной кандидатурой. Не того человека прислал полковник Иващук.

– Я к тому, что убийца выбрал сомнительный способ избавиться от твоей женщины, Илья. – Климов качнул головой и ткнул пальцем в сторону пакетика с пузырьком. – На мелкую месть похоже. Кому-то хотелось напакоstitь. Но убить... Вряд ли. Сколько времени прошло с того момента, как она отъехала от дома до аварии?

Буторин задрал голову к хмурому небу и принялся подсчитывать.

– Почти четыре часа, – проговорил он удивленно. – А ведь верно, майор! Она и в торговый центр заезжала. Звонила мне оттуда. Покупала какие-то вкусности для подруги. В бутик завернула по дороге. И ничего, все нормально.

– Во-от! – поднял палец Климов. – Я к тому и веду: сомнительный способ убийства. У нее могло помутнеть в глазах, а могло и нет, тогда она благополучно добралась бы до места. Отпечатки с пузырька снимались?

– Нет. Тебе принес. Отливал в мензурку сам, лаборанту не давал дотрагиваться. А зачем теперь, раз вода не имела значения? Смысл?

Он попытался забросить пакетик с пузырьком к бетонной облупившейся стене заброшенного склада, но Климов его остановил.

– Тю-тю-тю... Не стоит торопиться, Илья. Я все же его заберу.

– Зачем?

Павлу неожиданно пришла в голову совершенно сумасшедшая идея, и он не мог никак от нее отделаться. Это как подошвой наступить на жвачку или рукой залезть в замазку – липнет, оставляет след. Отделяйся не отделяйся, вспоминать потом будешь долго.

– А что, если вода появилась в пузырьке уже после того, как машина врезалась в дерево? – проговорил он вслух. – Было лекарство, а потом оказалась вода.

– Поменяли пузырьки, хочешь сказать? – с сомнением покачал головой Буторин. – Но когда?

– Сразу после аварии. Другого времени не было.

– Но после аварии я был на месте почти сразу, – возмутился Буторин его непонятливости.

– Ключевое слово: почти, Илья. – Климов вытянул из его пальцев пакетик с пластиковым пузырьком и спросил: – Вспомни, во сколько ты был на месте после того, как тебе позвонили? Во сколько приехали инспекторы и «Скорая»? Когда им сообщили? И главное – кто сообщил о ДТП? Это меня сейчас интересует больше всего.

Глава 8

Варя вошла в свою маленькую квартиру-студию, о которой мечтала целых четыре года после окончания университета. Копила деньги, отказывая себе в летнем отдыхе и нарядах. Собралось немало. Хватало на студию в тридцать квадратных метров общей площадью. На ремонт и мебель заняла у родителей. Те со временем долг ей простили с условием, что это идет в счет подарка на свадьбу. Свадьбы пока не предвиделось, потому что Варя не торопилась. Родители регулярно напоминали ей, но в последнее время все реже и реже. Видимо, смирились с ее одиночеством.

Руки были заняты, и она захлопнула дверь, толкнув ее задом. Стащила с ног спортивные ботинки и с пакетами прошла в маленькую кухню, огороженную от жилой зоны легкой перегородкой. В ее кухне было все, что необходимо для жизни: холодильник, плита, духовка и микроволновка. Минимум шкафов – они бы просто не влезли. Маленький круглый столик, за которым она завтракала и ужинала.

Обедать ей здесь не доводилось. В будние дни ела в ведомственной столовой, в выходные ездила к родителям. Это было их давней традицией, и нарушать ее она не смела. Достаточно, что не сдержала слово выйти к тридцати годам замуж.

Тридцать ей исполнилось месяц назад. Замуж она так и не вышла, и претендентов не было. Даже самых заваливающих, некрасивых неудачников, которые бы надоедали звонками и визитами, раздражали своей настойчивостью, не имелось.

Варя разобрала пакеты, оставив упаковку с замороженным готовым рагу на столе. Это ее ужин на сегодня.

Она вздохнула, с сомнением оглядев коробочку. Разве этим наешься? Останется чувство голода, даже если съесть все, а руки так и будут тянуться к полкам холодильника весь вечер. Примутся таскать оттуда сырок и колбаску. Ее алчные руки станут лепить бутербродики, а ненасытный рот – все это поглощать. Непослушная талия будет увеличиваться в объеме, а вместе с ней и бедра, и колени, и плечи, и спина.

– Смиритесь, это наследственное, – резюмировал врач-диетолог, которому она перетаскала кучу денег.

– Мои родители тощие, как жерди, – возмутилась она.

– Значит, вы не выполняете все мои рекомендации, – возмутился он в ответ.

И Варя сдалась, не стала спорить. Она не выполняла почти ничего из того, что он рекомендовал, только лишь пила прописанные пилюли. Но этого оказалось мало.

Еще раз осмотрев со всех сторон замороженный ужин, она закинула его в морозилку. Не стоило обманывать саму себя: воздержание в половине седьмого вечера будет стоить ей безудержного жора в девять. Надо поужинать полноценно, а потом запереть кухню и сесть за работу.

Климов попросил отыскать в социальных сетях информацию о некоей Ляле Одинцовой – друзья, подруги, фотографии с отдыха, вечеринки. Его интересовало все: чем она жила и как. Ей надо было по возможности увлечься этим заданием, чтобы весь вечер не заходить в кухню.

Варя очистила три большие картофелины, нарезала, уложила рядами в стеклянную форму, накрыла сверху лука. Подумала и вывалила сверху полбанки говяжьей тушенки – это чтобы уж наверняка не захотеть жрать в девять. Сунула форму в духовку и пошла в душ.

Душ Варя принимала быстро. Потом надевала домашний костюм, в котором и спала. Сверху халат из того же комплекта. Уютные мягкие тапочки. Волосы просушивала и рассыпала по спине, не убирая в хвост. Этот образ у нее был для работы. И шла потом в комнату, служившую ей и спальней и гостиной.

Мебели там было немного: диван, большой одежный шкаф, телевизор на комод, в котором хранились разные бумаги: от документов на квартиру до почетных грамот из школы и университета. Там же стоял ее ноутбук. Еще имелись два небольших стильных кресла возле балконной двери, в которые она влезала с большим трудом и держала их для гостей. А приходили к ней только родители и иногда Климов.

Вспомнив о нем, Варя погрузилась. Так он отчитал ее при задержанном, так нехорошо смотрел! Она всерьез подумывала о переводе из его отдела. Остановило лишь острое желание видеть Павла каждый день.

Она никому никогда в жизни бы не призналась, а себе самой – лишь изредка, что влюблена в него.

Да в него невозможно не влюбиться! Он был такой... высокий, красивый, необыкновенно харизматичный. Красавицы, не чета ей, в рот заглядывали, а ей сам Бог велел его тайно любить.

Варя залезла на диван, поставила ноутбук на колени, дождалась, когда он загрузится, и открыла тайную папку с фотографиями Климова.

Ими она всегда любовалась перед сном. Подолгу рассматривала моменты их общих вылазок за город, когда гуляли всем отделом по поводу чьих-то свадеб или новых званий. Были фотографии выездов на происшествия – без пострадавших, разумеется. Еще фото из бара, где они всем отделом могли зависнуть после удачного раскрытия. Было даже несколько удачных снимков: это где Климов смотрел именно на нее, а не мимо. Имелось даже одно фото Павла с женой, которая сбежала от него к лучшему другу. С этой фотографией Варя подолгу разговаривала, ругая глупую женщину, совершившую предательство.

Налюбовавшись Климовым, Варя закрыла папку, открыла Интернет и пошла гулять по социальным сетям в поисках Ляли Одинцовой.

– Да-а-а... – проговорила она спустя полчаса, качнув укоризненно головой. – Бедный Буторин! Нелегко тебе приходилось...

Ляля не очень стеснялась, позируя с посторонними мужчинами. Они могли целоваться, крепко прижиматься друг к другу. Буторин при этом маячил где-то на заднем плане, иногда с хмурым видом рассматривая спину своей подруги, иногда широко улыбаясь.

Терпел? Или нарочно провоцировал ситуацию? Может, ему это было выгодно?

Очень много фото с многолюдных вечеринок. Одно из них Варю заинтересовало, и она отправила его в отдельную папку, которую создала специально для Одинцовой. Потом интересные фото посыпались друг за другом, только успевай копировать. В итоге в папке набралось двадцать фотографий, все с разных мероприятий, два из которых показались Варе значимыми. Очень нарядные дамы и важные мужчины. Одинцова выглядела не хуже остальных, но вот что странно: под руку она держала не Буторина, а совсем другого мужчину.

На кухне пропихивал таймер духовки – ее ужин приготовился. Варя взяла ноутбук с собой. Ей очень хотелось узнать: что за мероприятие пропустил Буторин, передоверив свою любимую женщину другому? На фото были дата и время. И знакомое здание с адресом, возле которого толпа приглашенных позировала, встав в ряды на ступеньках, как на школьном фото.

Узнать будет не проблема.

Варя зачерпнула столовой ложкой картошку с мясом, перешла по ссылке и замерла с открытым ртом.

– Паша, это был вечер, устраиваемый Роговым – отцом Светланы! Она тоже есть на фото, – выпалила Варя, тут же позвонив Климову. – Ты понимаешь, что это значит?!

– Да. Понимаю, – ответил он странным сонным голосом. – Они, возможно, были знакомы.

– Возможно? Ты что, не догоняешь? Они точно были знакомы! – Она принялась жевать, забубнив с набитым ртом. – Это связь, понимаешь? И мужик рядом с ней... Это не Рогов и не Буторин. Но физиономия до боли знакомая.

– Ты жрешь, что ли, Варька? – уже бодро поинтересовался Климов.

– Ужинаю, – поправила она его.

– А чем ужинаешь?

Она перечислила ингредиенты в стеклянной форме, превратившиеся в замечательную запеканку.

– Ого... А я, вообще-то, неподалеку от твоего дома. Заеду на картошечку? – И, не успев дожидаться от нее приглашения, Павел проговорил: – Заеду. Доставай приборы.

Климов явился к ней прямо со свидания – она была неплохим сыщиком и поняла этого сразу. От него за версту пахло духами. Рубашка, в которой он остался, сняв куртку, измята, одна из пуговиц мотается на одной нитке. Еще утром с этой рубашкой все было в порядке. И еще у Климова был тот самый томный взгляд, которым он всегда встречал ее на своем пороге, если у него в этот момент гостила женщина.

Варя не часто его навещала, и все больше по делам. Ну да, да, иногда она их нарочно выдумывала, но никогда не приезжала просто так, как он, – поужинать. Всякий раз она заставляла его не одного, и он смотрел на нее именно таким поплывшим взглядом.

Ее сердце понуло всего минутку и тут же ровно забилося. Она свыклась с мыслью, что Климов не для нее. Варя поставила перед ним тарелку с картофельной запеканкой.

– Рассказывай и показывай, – сразу потребовал Климов, хватая вилку и нож.

Варя послушно открыла папку, принявшись листать фотографии.

– Хм-м... – Он удивленно вскинул брови и пробубнил с набитым ртом: – А она не особенно церемонилась в вопросах морали. А Буторин мне лапшу вешал: мое сердце, моя душа! Давно вместе, счастливы, бла-бла-бла... А она на мужиках висла. Варька, тащи бумагу и карандаш! Будем записывать.

– Что конкретно писать? – уставилась она на него, вернувшись с бумагой и ручкой.

– Во-первых, нам необходимо выяснить...

Список получился внушительным. Просмотрев его, Климов приуныл. Где найти на все время? Они с Варей одних спутников Ляли насчитали семь человек. И три постоянные подруги. Личности почти всех им удалось установить, кроме мужчины, который сопровождал Одинцову на званом вечере у отца Светланы Роговой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.